

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
выходить въ г. Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: в Томске: в конторѣ редакціи (ул. Дворянской и Ямской пер., д. «Сибирская Т—я Пензенная Дѣла») и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина; в Петербургѣ: в конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Большая Морская гл., д. № 11, Торговаго Дома Бруно Валентина, Екате-рининскій капитал, № 18—27; в Москвѣ: в центральный конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Мясницкая улица, домъ Сытова; в Варшавѣ: в конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Маршалков-скій, 130; в Барнаулѣ: в книжномъ магазинѣ В. К. Сохарева.

Разсрочка годовой платы не допускается.

Подписная цена с доставкой и пересылкой:

12 месяцев въ Томскѣ и другихъ городахъ					6 р. — к. за границу	10 р. — к.
9	»	»	»	»	4 р. 75 к.	8 р. — к.
6	»	»	»	»	3 р. 50 к.	6 р. — к.
3	»	»	»	»	1 р. 80 к.	3 р. 50 к.
1	»	»	»	»	— р. 60 к.	1 р. 20 к.

Подписка считается с 1-го числа каждого месяца.

За переміну адреса иногороднього на иногородній взимается 35 коп.

Такса за объявления: за строку петита впереди текста 20 к., позади 10 к.

Для многогороднихъ за строку петита впереди текста 30 н., позади 15 н.

Объявленія прислуги и рабочихъ 20 коп. за три строки.

За прилагаемая къ газетѣ объявленія въ Томскѣ—5 руб., иногороднимъ 7 р. за тысячу экземпляровъ въ сомѣ не болѣе одного лота.

Контора открита ежедневно съ 8-ми часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, кромѣ празниковъ. Телефонъ № 470.

Редакція для личныхъ объясненій съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 5 до 6 ч. веч.

Присылаемые въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленные безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Цена № въ 4 коп.

Цѣна № въ 5 коп.

Чеховская Русь.

(Сообщение, сделанное на посвященном памяти Чехова вечере томского литер.-арт. кружка 6 февр.)

Как пишешь? О чем пишешь? Вот два вопроса, которые естественно встают перед нами, когда мы читаем произведения писателя-художника.

Я не буду долго останавливаться на вопросе о том, как писал Чехов. Вопрос художественной критики. Не считаю себя достаточно компетентным в этой области.

Отвечу лишь одной стороне. Говорят обыкновенно, что Чехов в навал литературной деятельности не похож на Чехова в зенит славы: беззаботный смех сменялся тихой грустью. Это не совсем так. Тот смех, каков смех Чехов и в первые свои произведения, далеко не беззаботный. Это наш национальный русский смех: тот смех, каков смех великий Гоголь; горький смех; смех сквозь слезы.

Один — два примера.

Рассказ «Смерть чиновника». Экзекютор какого-то учреждения Иван Дмитриевич Черяков нечаянно чихнул в театр и обрызгал сидящего впереди статского генерала Брижжалова.

«Я его обрызгал!» — подумал Чехов. — Немой начальник, чужой, но все таки недово. Извиниться надо».

Черяков наклонился вперед и извинился. Но его мучит безпокойство, что генерал оскорблен. В антракте Черяков снова извинился. На другой день Черяков надел новый вицмундир, постригся и пошел к Брижжалову на прием объясниться и извиниться. Когда, на следующую после этого объяснения день, Черяков снова явился извиниться, Брижжалов поспешно, затрещав, заволаше ногами, и гаркнув: «пошел вон!» Придя машинально домой, не

снимая вицмундир, Черяков лег на диван... и помер.

Один из ранних рассказов. Написан в то время, когда господствующим мотивом литературной деятельности Чехова был смех. Но сквозит этот смех прорывающейся жгучей слезы. Перед нами глубокая драма, основанная на своеобразной оценке человеческой личности: маленький чиновник высоко, слишком высоко оценивает достоинство лица с генеральским чином и им во что ставит собственное человеческое достоинство. Чихнул нечаянно маленький чиновник, обрызгал генерала и... конец, умер человек. Драма русской жизни: нет людей, нет трагедии; есть гены алы, которые считают себя и которых считают другие смерть — чепухами, и есть маленькие чиновники, человеческое достоинство которых не признается.

«В бань» — один из самых ранних произведений. Трудно без смеха читать рассказ о том, как цирюльник Михайло закопал в давнишнего человека, оказавшегося законом, в том, что он «с идеями», «народу смущает», и уже готов был послать за полицией, протокол составить. Но вдумайтесь: чему смеемся? «Налъ вольной мысли Богунеуголкина смел и гнет», (пр. А. Толстой). Свобода мысли и слова — одно из основных прав человека и гражданина. А у нас: высказал человек не понравившуюся другим безобидную мысль и сейчас: народ смущает, с идеями, протокол составить. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Грустно. Смех раздается все реже. Рассказ «Муж», который будет прочитан сегодня, стоит на границе двух полос в литературной деятельности Чехова: еще слышен смех, но преобладает грусть. Зато смех совершенно покидает Чехова. От его позднейших произведений веет только тихой грустью.

О чем же грустит писатель?

Я позволю же второму вопросу: о чем писал Чехов? Он писал о

России, о русских людях. Его сочинения — это в полном смысле слова энциклопедия русской жизни. Чехов тщательно изучает русскую жизнь: он всматривается в проявления и дает художественные образы этой жизни в своих произведениях. Собирает эти образы, развешивает в рассказах, повестях и пьесах Чехова. Получил картину русской жизни конца XIX и первых лет XX в., замечательную широтой замысла и полнотой выполнения.

Перед нами русские люди разнообразных классов: крестьяне и помещики и мелкие торговцы, ремесленники и мещане; купцы и приказчики; фабриканты и рабочие; господа и прислуга; военные; духовенство; профессора и студенты; учителя и ученики; чиновники различных ведомств — судейские, акцизные, полицейские и др.; представители городского, земского и сословного самоуправления; представители различных либеральных профессий — врачи, адвокаты, инженеры, писатели, артисты. Перед нами — русские дедушки и русские женщины; дети, старики, старухи...

Все эти русские люди выступают в разнообразных житейских положениях: дома и в гостях, в семейной обстановке и на поприще общественной деятельности, в одиночку и в толпе; в городе и в деревне; на свадьбах и панихидах; в театре, в школе, в суде и в других присутственных местах, в вагоне железной дороги, на пароходе, на охоте и т. д. и т. д.

Как живут русские люди, изображенные Чеховым?

Русская деревня и ее коренные обитатели — крестьяне, «мужики». Наиболее характерные черты мужицкой жизни — бедность и темнота. А взглядом за бедностью и темнотой идешь: голод, грязь, вонь, болыши, брань, драка, пьянство, погрешливость и т. п.

Жизнь низших слоев городского населения — рабочих, ремесленников, мелких торговцев, — характеризуется Чеховым позорным же неправедными чуждыми.

Та же черта, быть может не столь резко выраженными, встречаем и в жизни среднего человека.

Состоятельное и богатство и купечество не знают бедности; но темнота — та же, а достаток покупается ценой эксплуатации слабого, постоянного обмана, мошенничества... На самой вершине общественной лестницы стоят высшие, управляющие классы. Праздность, лицемерие, сплетни, воля, карьеры; произвол и самоуважение, с одной стороны, принужденность и придаленность, с другой...

Такова русская жизнь в изображении Чехова. Это жизнь пошлая, грязная, бесцельная. Можно ли мириться с ней?

Есть люди, которые смыслили и мирятся. Это, прежде всего, люди хищники. Они стремятся только к личному благополучию, берут у других то, что можно взять, и ничего не дают в ответ. Таковы: Наташа в «Трех сестрах», проф. Серебряков в «Дяде Ване», брат Николай в «Крыжовнике», страдный Шапкин в «Старости», Аксинья в рассказе «В овраге» и др.

Это, да, люди, которые закаляли себя несчастиями и страданиями до такой степени, что отказались от всяких надежд и желаний. Таков Семен Толстой (в рассказе «В ссуды»), разуждающий таким образом: «ничего мне не надо и ничего я не боюсь и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человек нить». Таков Петр Сеньгич в «Рассказе госпожи NN».

Это люди пошлые, самоодолженные, обожжающие себя, не замечающие собственного ничтожества. Таков старик Лавтев в повести «Три года». Он обожал себя; из его слов выходило ясно, что свою покойную жену и ее родню он осчастливил, детей награждал, приказчиков и служащих облагодетельствовал и всю уличу и весь знакомый заставлял за себя вечно Бога молить. Таковы также: княгиня в рассказе того же названия, отставной солдат Егор в

рассказе «На святках», архитектор Полозов в повести «Моя жизнь»...

Это люди с холодной кровью. Таковы петербургский чиновник Орлов в «Рассказе неизвестного человека». По его мнению, «в природе и в человеческой среде ничего не творится так себя, все обосновано и необходимо. А если так, что же нам безпокойство?»

Это люди в футляре, люди с зачатой, люди с правилами. Эти люди создали спорт футляр, который из уединения и защищая от внешнего влияния: одних защищают циркуляры и предписания начальства, других — честный образ мысли, третьих — вегетарианство, четвертых — доморощенные таланты и т. п. Таковы: учитель Бубликов, Иполит Иполитович, Моисей Алексеевич, Павел Андреевич, доктор Львов, частный повзбранный, Туркины, Оленька и др. в рассказах: «Человек в футляре», «Учитель словесности», «Анна на шею», «Жена», «Иванов», «Печенбг», «Юноша», «Душенька»...

Вот те, которые мирятся с жизнью. Но есть другие. Есть безпокойные русские люди. Они не могут примириться с грязной, пошлой, бессмысленной жизнью.

Вот изюмчик Дымов (в рассказе «Степь»). Он лниво плетется вдоль оврага и не то плачущий, не то досаждающим голосом повторяет: «Скучно мне. Господи! жизнь наша проклятая, лютая».

Вот интеллигентный образованный человек — Вера Семеновна в рассказе «Хорошие люди». «Боже, как тошно, говорит она. Как яло, безсодержательно течет жизни Я не знаю, что делать».

Вот целая группа интеллигентных людей в пьесах «Иванов», «Дядя Ваня», «Три сестры». Все они повторяют слова Веры Семеновны: какая скука! какая тоска!

Дело не ограничивается безпокойными жалобами на скуку, тоску. Безпокойные русские люди, недоуменные абстрактностью, стараются высказать, почему, из силу каких-при-

чин жизнь сложилась так, а не иначе. Этого вопроса — почему? — отвечают многие герои и рачники и позднейшие произведения Чехова. Отвечает А мучительный вопрос не покидает человека, ибо отношения между людьми так сложными, сделались до того непонятными, что жизнь представляется какой то странной загадкой.

Странны и непонятны отношения между трудом и капиталом. Странно, например, что владелица фабрики Анна Акимова (в рассказе «Баба царство») кормится и получает сотни тысяч от дла, которого не понимает и не любит. Странны и непонятны семейные отношения, отношения между мужчиной и женщиной, между господами и прислугой, между интеллигентом и народом. Странно и непонятно, что люди делают именно не то, что нужно, что люди делают друг другу, что какой то туман застилает от глаз самое важное и видны только мелочи и т. д.

Странность и непонятность жизни вызывают у безпокойных, мыслящих русских людей мучительную боль, стыд перед собой, страх жизни, ужас.

Мучительную боль испытывает интеллигентная девушка Вера Иванова Кардина, наблюдая отношения своей тети к прислуге (рассказ «В родном углу»). Стильно кушающему за загроможденным рестораном фабриканту Фролову («Пьяные»). Стидно и страшно Юлии Сергеевне, которая без любви вышла замуж за богатого человека («Три года»). Страшно Анне Акимовне: «у меня, говорит она, на руках громадное дело, пять тысяч рабочих, за которых я должна ответить перед Богом. Люди, которые работают на меня, спянут и дадут. Мне страшно жить, страшно. («Баба дла»).

Подобно Анне Акимовне, страх жизни испытывает и Ляжкова — дочь: она не верит в свое право быть владелицей фабрики и богатой наследницей («Случай из практики»). Судебного следователя Лыжина в ужест при-

водит глубокая неправда, состоящая в том, что односторонне существуют люди, на долю которых приходится все самое тяжелое и горькое, и люди, которым остается только легкое и радостное. («По делам службы»).

Странная, непонятная жизнь у одних русских людей вызывает мучительную боль, стыд, страх, ужас. У других она вызывает овладение и протесты.

Озабочен сложными отношениями, например, что владелица фабрики Анна Акимова (в рассказе «Баба царство») кормится и получает сотни тысяч от дла, которого не понимает и не любит. Странны и непонятны семейные отношения, отношения между мужчиной и женщиной, между господами и прислугой, между интеллигентом и народом. Странно и непонятно, что люди делают именно не то, что нужно, что люди делают друг другу, что какой то туман застилает от глаз самое важное и видны только мелочи и т. д.

Странность и непонятность жизни вызывают у безпокойных, мыслящих русских людей мучительную боль, стыд перед собой, страх жизни, ужас.

Мучительную боль испытывает интеллигентная девушка Вера Иванова Кардина, наблюдая отношения своей тети к прислуге (рассказ «В родном углу»). Стильно кушающему за загроможденным рестораном фабриканту Фролову («Пьяные»). Стидно и страшно Юлии Сергеевне, которая без любви вышла замуж за богатого человека («Три года»). Страшно Анне Акимовне: «у меня, говорит она, на руках громадное дело, пять тысяч рабочих, за которых я должна ответить перед Богом. Люди, которые работают на меня, спянут и дадут. Мне страшно жить, страшно. («Баба дла»).

Подобно Анне Акимовне, страх жизни испытывает и Ляжкова — дочь: она не верит в свое право быть владелицей фабрики и богатой наследницей («Случай из практики»). Судебного следователя Лыжина в ужест при-

водит глубокая неправда, состоящая в том, что односторонне существуют люди, на долю которых приходится все самое тяжелое и горькое, и люди, которым остается только легкое и радостное. («По делам службы»).

Странная, непонятная жизнь у одних русских людей вызывает мучительную боль, стыд, страх, ужас. У других она вызывает овладение и протесты.

Озабочен сложными отношениями, например, что владелица фабрики Анна Акимова (в рассказе «Баба царство») кормится и получает сотни тысяч от дла, которого не понимает и не любит. Странны и непонятны семейные отношения, отношения между мужчиной и женщиной, между господами и прислугой, между интеллигентом и народом. Странно и непонятно, что люди делают именно не то, что нужно, что люди делают друг другу, что какой то туман застилает от глаз самое важное и видны только мелочи и т. д.

Странность и непонятность жизни вызывают у безпокойных, мыслящих русских людей мучительную боль, стыд перед собой, страх жизни, ужас.

Мучительную боль испытывает интеллигентная девушка Вера Иванова Кардина, наблюдая отношения своей тети к прислуге (рассказ «В родном углу»). Стильно кушающему за загроможденным рестораном фабриканту Фролову («Пьяные»). Стидно и страшно Юлии Сергеевне, которая без любви вышла замуж за богатого человека («Три года»). Страшно Анне Акимовне: «у меня, говорит она, на руках громадное дело, пять тысяч рабочих, за которых я должна ответить перед Богом. Люди, которые работают на меня, спянут и дадут. Мне страшно жить, страшно. («Баба дла»).

Подобно Анне Акимовне, страх жизни испытывает и Ляжкова — дочь: она не верит в свое право быть владелицей фабрики и богатой наследницей («Случай из практики»). Судебного следователя Лыжина в ужест при-

Вижу произволъ—протестую, вижу ханжв и лицемеръ—протестую, вижу торжествующую свинью—протестую».

Если жизнь странна и непонятна, если она вызываетъ боль, стыдъ, страхъ, озлобленіе и протесты, то, очевидно, такъ жить нельзя. Ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ, выслушавъ рассказъ о «человѣкѣ въ футлярѣ», говоритъ: «видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпѣшь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ за куска хлѣба, изъ за теплаго угла, изъ за какого нибудь чиннишка, которому грошъ цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно». И многіе мыслящіе русскіе люди въ сочиненіяхъ Чехова повторяютъ эти слова: больше жить такъ невозможно.

Такъ жить невозможно. Значить, нужно жить иначе. Но какъ именно нужно иначе жить? Чеховскіе герои не знаютъ этого. Иная жизнь рисуется въ ихъ воображеніи лишь въ общихъ, неопредѣленныхъ очертахъ: это—жизнь святая, высокая, прекрасная, изящная. Они мечтаютъ о такой жизни, вѣрятъ, что она наступитъ, непременно наступитъ когда нибудь—лѣтъ черезъ 50, 200, 300, можетъ быть, черезъ 1000... Въ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова—«Случай изъ практики», «Дядя Ваня», «Три Сестры», «Невѣста», «Вишневый садъ»—красной нитью проходить этотъ мотивъ: вѣра въ лучшее будущее.

Такова чеховская Русь, Русь конца XIX и начала XX вѣ.

Замѣчательное совпаденіе: писатель, изображавшій въ своихъ произведеніяхъ Русь стараго режима, скончался наканунѣ того взрыва, который, повидимому, знаменовалъ паденіе этого режима и полное обновленіе Руси. Мы, свидѣтели, очевидцы или участники взрыва, повторяли слова чеховскихъ героевъ—«такъ больше жить нельзя»—на всѣ лады—въ печати, на собраніяхъ и събѣдахъ.

въ резолюціяхъ, петиціяхъ, адресахъ, заявленіяхъ... Мы добросовѣстно были убѣждены въ томъ, что чаша долготерпѣнія переполнилась, что уже занялась заря новой жизни, что скоро солнце взойдетъ и наступитъ святая, высокая, прекрасная жизнь. Мы думали, что чеховская Русь сдѣлалась преданіемъ старины, что чеховскіе герои уже сошли съ исторической сцены, что Чеховъ—это страница изъ исторіи нашей литературы, имѣющая только научный интересъ.

Мы ошиблись. Жестокая действительность посмѣялась надъ нами, разбила наши мечты. И жизненное значеніе, полное пророческаго смысла и житейской мудрости, получаютъ для насъ слова чеховскихъ героевъ:

Слова доктора въ рассказѣ «Случай изъ практики»: «Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жалъ только, что мы не дотянемъ».

Слова Вершинина изъ пьесы «Три сестры»: «Черезъ двѣсти—триста, наконецъ, тысячу лѣтъ,—дѣло не въ срокъ,—настанетъ новая, счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну, страдаемъ, мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье... Мы должны только работать и работать, а счастье это удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ»...

Слова сестеръ изъ той же пьесы: «Надо жить, надо работать... Пройдетъ время, и мы уйдемъ изъ жизни, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и поминутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь». («Три сестры»).

I. Малиновскій.